

Георгий Чулков. Парадиз

Оригинал здесь: [Серебряного века силуэт...](#)
 Дополнительная правка: В. Есаулов, июль 2004 г.

Александр Блоку

I

В тот, памятный для Наташи, вечер шла она от всенощной из церкви Успения. И нельзя было понять, радость или печаль на сердце. Хотелось тишины, и любви.

В сердце еще пел хор: "Се бо Эммануил грехи наши на кресте пригвозди..." А потом слова как-то уплывали из памяти, звучал лишь напев, но на углу Большого проспекта опять вспомнилось: "И живот давай, смерть умертви, Адама воскресивый..." {1}

Смерть умертви!.. Хорошо", - думала Наташа, чуть не плача.

- Премудрость, прости, - шептала Наташа с умилением и даже не старалась понять, что это значит. Пусть. Все равно.

Наташа твердо знает, что, когда дьякон скажет торжественные слова, хор полетит, точно на крыльях ангельских, и прозрачные голоса запоют неземную песнь.

И в тот вечер пелась эта песня. Наташа стояла на коленях, забыв обо всем: у нее кружилась голова от счастья. Когда она пришла домой, матери и братишки не было, и за столом сидел вотчим: и по тому, как он неловко уперся локтем на стол, Наташа догадалась, что вотчим пьян.

- А здравствуйте, Клеопатра {2} наша! - сказал вотчим. Здравствуй, царица египетская... Важность - фу-ты, ну-ты. А позвольте спросить, откуда спесь. Я ли тебе не как отец родной?

Наташа ничего не ответила и пошла к себе за перегородку.

- Наташка! Чего ломаешься! Тебе говорят: поди сюда. - И не дожидаясь ответа, вотчим сам полез к ней за перегородку.

- Прочь подите. Матушке скажу, - бормотала Наташа, отбиваясь от пьяных и похотливых рук, которые валили ее на постель.

От вотчима горько пахло пивом, и было противно и трудно бороться с этим большим, пьяным, волосатым человеком.

Наконец, Наташа, неловко ударив вотчима по лицу локтем, вывернулась из-под него и без накидки, в одном платке, побежала к тетке.

Весенняя белая ночь пахла на Наташу теплой влагой, и пока Наташа торопливо шла к дому тетки, ей все казалось, что в небе кто-то поет "Свете тихий" высоким ладом, как мальчишки-певчие.

А в доме тетки уже все спали, только сама тетка стояла у комода, в ночной кофте, простоволосая, считала дневную выручку. Наташу расспрашивать не стала. Догадалась, в чем дело. Молча указала на сундук и дала подушку.

Рано утром, перед тем как идти в табачную лавочку, тетка Серафима говорила Наташе нараспев:

- И там, милая, люди счастье себе находят. Дарья Ивановна, слава Тебе Господи, живет теперь барыней, а была такой же девчонкой, как ты, бегала по лужам босоногая. Ужо сведу тебя к ней, небось, возьмет: она мне тем боль кума.

Наташа осунулась и побледнела за эту ночь, глаза у нее были печальные и строгие, и жалко было смотреть на ее тоненькую фигурку в нескладном черном платье. Наташа едва слушала тетку и тихо бормотала:

- Мне все равно, тетушка. Все равно.

Когда после обеда пришли к Дарье Ивановне, у нее сидел гость - молодой человек, белокурый, завитой, в модной паре.

- Значит, мы на вас надеемся, - говорил он, покручивая усики, - заедем за Катюшей на автомобиле в одиннадцать.

Молодой человек простился и ушел, и было слышно, как в коридоре он